

Ольга Ямкова
(Киев)

Белорусское студенчество в украинских высших школах Чехословакии в 1920-1930-е годы

В 1920-1930-х годах Чехословакия, наряду с другими европейскими странами была одним из центров сосредоточения эмигрантов из бывшей Российской империи. В Чехословакию беженцы попадали разными путями. В частности, украинцы — в результате поражения Национально-Освободительной борьбы 1917-1920-х гг. и установления советской власти в Украине. Они эмигрировали вместе с учреждениями правительства Украинской Народной Республики и войсками ее армии. Это была политическая эмиграция военных и гражданских, которые, так или иначе, были причастны к политическим процессам в Украине. Они считали свое эмигрантское положение временным, поэтому главные эмиграционные волны с Центральной и Восточной Украины, Галичины и Буковины были направлены в соседние с Украиной страны Европы, в частности — Чехословакию.

Ситуация с белорусской эмиграцией была иной. В отличие от украинской, белорусская эмиграция была результатом геополитических планов ряда таких государств, как Польша и Россия. Речь идет о Рижском мире 1921 года, поделившем территорию Белоруссии практически на две части. Главенствующая роль белорусской эмиграции была отведена фактору социальному и менее — политическому. Так, в 1923 г. в Праге насчитывалось всего 300 человек, среди которых лишь незначительную часть составляли интеллигенция и рабочие, а 90% названного количества составляли сту-

денты-крестьяне. Точно слабость политических позиций белорусской эмиграции была подмечена профессором Украинского педагогического института им. Драгоманова Шелухиным, который отметил, „что интеллигенции у них [белорусов — О. Я.] очень мало, широкие слои населения не активны, и при первой же возможности для последних предпочтительным вариантом может быть ход против нас [украинцев — О. Я.]”.

Массовый приток эмигрантов с бывшей Российской империи в Чехословакию начался в 1921 году, когда в страну прибыло 6 тыс. чел. В 1923 году сюда прибыло 23 тыс. чел., 1924 г. — 20 тыс. чел., 1925 г. — 25 тыс. чел., 1932 г. — 10,5 тыс. чел., 1936 г. — около 9 тыс. чел., 1939 г. — 8 тыс.¹ Чехословацкая статистика упоминает в среднем 15 тыс. эмигрантов как в начале 20-х, так и в начале 30-х годов. Точные данные о количестве эмигрантов в межвоенные годы установить тяжело и это не является главной задачей данной статьи. Однако, следует подчеркнуть, что не все эмигранты учитывались официальной статистикой, так как прибывали в страну нелегально. Чехословакия для многих из них была так называемым „перевалочным пунктом” на пути в другие страны: после более или менее продолжительного пребывания здесь, получив определенное образование, значительная часть эмигрантов или возвращалась на родину, или же выезжала в другие западные страны.

Правительство Чехословакии (далее: ЧСР) в отличии от правительств большинства европейских государств, заняло особую позицию относительно проблемы эмигрантов, находящихся в стране, решая ее в соответствии с внешнеполитическими приоритетами государства. Уже в планах Чехословацкого движения сопротивления перед возникновением Чехословакии довольно почетное место занимала Россия. Интерес к России (позднее к Советскому Союзу) продолжался и после возникновения ЧСР. В 1919 г. при Министерстве иностранных дел ЧСР была создана отдельная секция (определялась она как II/2), которая должна была следить за развитием соседних государств, главным образом, на востоке от Чехословакии. Кроме этого, секция контролировала эмигрантов пребывающих в стране, в основном тех, которые действовали против Чехословацкой республики, регистрировала и контролировала их политические партии, прежде всего экстремистские — коммунистические и монархические, а также одновременно руководила Славянской библиотекой и Российским историческим заграничным ар-

¹ С. Віднянський, *Політика чехословацького уряду щодо української еміграції в міжвоєнний період*, [в:] *Міжнародні зв'язки України: Наукові пошуки і знахідки*, Київ 1993, с. 42.

хивом. В 1921 г. секции II/2 было поручено подготовить т.н. Русскую акцию (*Ruská pomocná akce*), в ходе которой планировалось предоставлять материальную помощь эмигрантам и их организациям².

Президент Томаш Масарик и первый премьер-министр Карел Крамарж придерживались антибольшевистских позиций и официально провозгласили относительно советской России „благоклонный нейтралитет”, то есть невмешательство в ее внутренние дела. Но, на самом деле всячески поддерживали бывших военнотружущих белых армий и представителей буржуазных политических партий, их антисоветскую деятельность. Они надеялись, что именно послеоктябрьская эмиграция по возвращении на родину будет играть ведущую роль в возрождении новой России, ее „реконструкции” и „европеизации”, а также пропагандировать ЧСР в области культуры и хозяйства, что будет содействовать развитию чехословацкой промышленности и торговли в возрожденной России. Эти принципы и были заложены в основу программы помощи России, получившей название Русская акция. Сначала она развивалась в двух направлениях: первое, состояло в предоставлении помощи голодающим в самой России, второе — на решении проблемы эмигрантов. В 1921 г. Чехословакия выделила около 10 млн. крон помощи для России и Украины. В целом, на помощь голодающим было израсходовано около 13 млн. крон³.

Однако, в середине 1922 г. деятельность иностранных благотворительных миссий в России была запрещена советской властью. С этого времени под „русской акцией” рассматривались лишь мероприятия, направленные на поддержку эмигрантов на территории республики.

Наибольшей сложностью являлось финансирование „русской акции”, которая, по мнению Министерства финансов ЧСР не вписывалась в рамки государственного бюджета. Поэтому, с середины 1920-х годов начался ее пересмотр.

В декабре 1926 г. министр иностранных дел Эдуард Бенеш уведомил чехословацкий парламент о том, что Совет министров планирует полностью завершить „Русскую акцию”. Уже в начале 1927 г. Министерством иностранных дел был разработан план постепенного ее сокращения. В том же году Министерство внутрен-

² О. Мушинка, *Український Громадський Комітет у Чехо-Словаччині та його роль у розвитку україністики*, [в:] *Від Наукового товариства ім. Шевченка до Українського Вільного Університету. Матеріали міжнародних конференцій*, Київ 1992, с. 275.

³ З. Сладек, *Русская эмиграция в Чехословакии: Развитие „Русской акции”*, „Славяноведение” 1993, № 4, с. 31.

них дел выделило на расходы Русской акции всего 52 137 млн. крон, а Министерство народного образования и Министерство сельского хозяйства вообще отказались выделить любые средства. Кульминацией Русской акции стал 1924 г., когда на нужды эмиграции в ЧСР было затрачено 99 775 млн. крон⁴. После 1928 г. сократился размер ассигнований на образование эмигрантов, в связи с чем начался процесс закрытия эмигрантских учебных заведений. После юридического признания Чехословакией Советского Союза в 1935 г. поддержка русских эмигрантов была официально прекращена. Однако, не смотря на все сложности в развитии Русской акции, положение эмигрантов в Чехословакии было значительно лучше, чем в других странах.

С развитием Русской акции связана деятельность Украинского Общественного Комитета (далее: УОК), созданного в 1921 г. по инициативе украинских эмигрантов во главе с Никитой Шаповалом. 1 июля устав УОК утвержден Министерством внутренних дел ЧСР, а 7 июля состоялось Учредительное собрание Общественного Комитета, на котором избрано руководство УОК в составе Н. Шаповала, Н. Григорьева, О. Мицкока, Г. Грицая. Изначально, в планах чехословацкого правительства деятельность УОК должна была ограничиваться ролью посредника между правительством и украинской эмиграцией. Но со временем УОК значительно расширил свою деятельность и главной его целью было отстаивать интересы эмигрантов перед чехословацким правительством, подыскивать рабочие места, заниматься организацией обучения молодежи, издательского дела, проводить активную научную, культурно-образовательную и гуманитарную деятельность.

Большую помощь УОК предоставлял, в частности, студентам-эмигрантам, которые учились в высших и средних школах Праги, Подебрадах, Брно, Пржибрама, Братиславы.

Существуют данные, что на 1 июля 1924 г. Общественный Комитет опекался 5 209 эмигрантами. Большинство с них (2 884) — выходцы из Приднепровья, Кубани, Зеленого Клина. Вместе с украинцами, зарегистрированными УОК (4 925 или 94,6%), свое украинское гражданство задекларировали 126 (2,4%) евреев, 34 (0,7%) белорусов, 49 (0,9%) чехов, 16 (0,4%) россиян и др.⁵

Важную информацию о национальной и религиозной принадлежности, возрастном уровне эмигрантов, находящихся в Праге в 1921-1924 годах, содержат данные анкеты, проведенной по инициативе Чехословацкого Красного Креста в июне-июле 1924 г. Из

⁴ Там же, с. 36.

⁵ *Три роки праці УГК в ЧСР*, Прага 1924, с. 13-14.

анкеты известно, что значительная часть молодежи прибыла для получения образования в Чехословакию с Польши, а именно 1 367 лиц, составляющих 74,9% общего количества всех прибывших. Кроме того, с Польши в Чехословакию прибыло и большинство белорусов (57 с 82)⁶.

Украинцы-эмигранты из Приднепровья, Галичины, Буковины, Волыни, Холмщины в основном поселились в Праге, Подебрадах, Брно, а эмигранты-белорусы расположились преимущественно в Праге (мужчин — 33, женщин — 2). Соответственно, можно сделать вывод, что главным центром расположения студенчества по высших школах Чехословакии была Прага, на которую приходится 68,0% общего количества студентов⁷.

На Украину приходится 93,6%, Белоруссию — 4,5% всего студенчества, принимавшего участие в анкете. Лишь 90,8% (1 521) указанного количества украинцев назвало родным украинский язык, 103 чел. (6,1%) — русский, а все эмигранты-белорусы и грузины указали родным свой национальный язык⁸.

Главной задачей как украинской, так и белорусской эмиграции было продолжение борьбы за утверждение независимости своей Родины, освобождение ее от иностранных оккупантов и утверждение демократических правительств. Но ради достижения этой цели эмигрантская молодежь сначала должна была завершить незаконченное среднее образование, получить высшее, с помощью чего обеспечить свое будущее, повысить свой интеллектуально-культурный уровень. Хотя, белорусская эмиграция в ЧСР, сравнительно с русской и украинской, была малочисленной (что подтверждают выше указанные данные) и менее политически активной, но довольно сильной, чтобы продолжать борьбу за независимое будущее своей Родины. Об этом говорится в передовой статье „Заданні еміграції” ежемесячника „Беларускі студэнт” за 1923 (Прага, 1923, № 6, кастрычнік): „Беларуская эміграцыя, праўда, не такая вялікая як украінская ці маскоўская, але досыць значная, каб зрабіць дзеля Бацькаўшчыны патрэбную работу. Першае заданьне кожнае эміграцыі — гэта знаёміць чужыя ўрады й чужыя грамадзянствы з ідэямі й дамагаць свайго народу. (...) беларуская эміграцыя павінна наўперад паказаць чужым народам, што беларусы дамагаюцца свайго незалежнага быцця, што яны патрабуюць і могуць мець сваё асобнае гаспадарства”.

⁶ Л. Шрамченко, *Українське, білоруське та грузинське студентство на високих школах в Чехословацькій республіці*, Подебради 1926, с. 2-3.

⁷ Там же, с. 3-4

⁸ Там же, с. 5

Неопровержимым является тот факт, что эмигранты, как украинцы, так и белорусы, были настоящими патриотами своей Родины и невозможность возвратиться на родные земли была для них настоящей жизненной трагедией. Считая свое эмигрантское положение временным, они создавали в ЧСР свои военные и политические организации, проводили культурно-образовательную работу как среди своих земляков, так и коренного населения, создавали общества, союзы и готовили себя к новой борьбе за независимость своего Отечества.

Интересные данные, иллюстрирующие процесс прибытия белорусских эмигрантов в Чехословакию, короткие биографические сведения и планы на будущее было обнаружено среди архивных документов Фонда Украинского Общественного Комитета в ЧСР. Это — список новоприбывших белорусских студентов, находящихся в Праге и претендующих на материальную помощь Чешско-Украинского Комитета (смотри таблицу на стр.).

Наряду с Украинским Общественным Комитетом, еще одной организацией, поддерживающей эмигрантское студенчество материально и морально, был Чешско-Украинский комитет помощи украинским и белорусским студентам (ЧУК), созданный в ноябре 1921 г. Он финансировался с государственного бюджета, благодаря чему обеспечивал стипендиями украинских и белорусских студентов.

В п. 3 Устава ЧУК среди задач Комитета отмечалось следующее: „Нести матеряльну і моральну поміч студіюючим Українцям і Білорусинам”⁹.

Чешско-Украинский комитет состоял с представителей:

„8 чеських професорів і студентів

4 професорів Українського Університету

4 представників українського студентства

8 представників Українського Громадського Комітету

2 представників Білорусинів,

а то 1 від громадянства, а 2 від студентства”.

Это было указано в п. 4 Устава ЧУК¹¹.

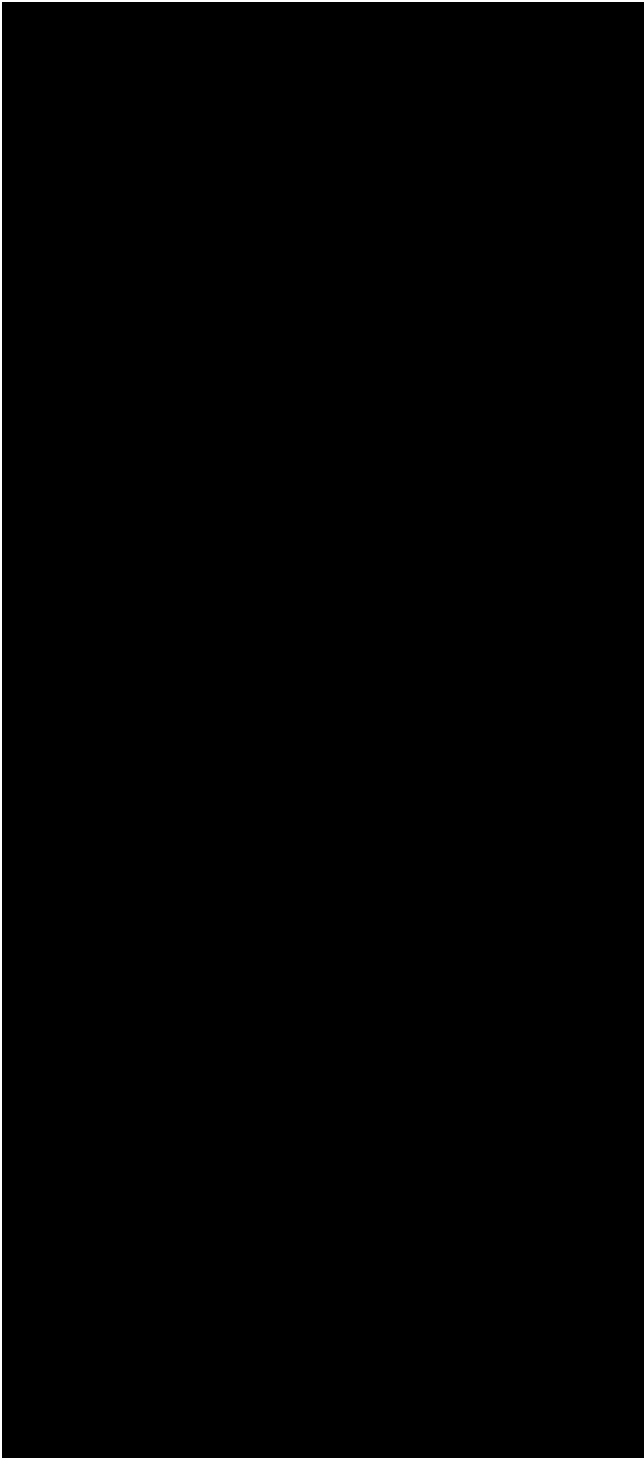
Комитет проводил активную и плодотворную деятельность, которая подтверждается тем фактом, что количество студентов, получавших стипендии от ЧУК, возросло с 557 до 1 606 соответственно с 1921 по 1923 г. Всего за 10 лет ежемесячную стипендию в размере около 500 крон в ЧСР получало 1 992 украинских студентов. Кроме того, комитет создал несколько интернатов для студентов-

⁹ ЦГАВУ, ф. 3920, оп. 1, д. 1, л. 9.

¹⁰ Там же.

Сьпісак новапрыбыўшых беларускіх студэнтаў, пол. эмігрантаў, якія знаходзяцца ў Празе і просяць каб былі залічаны на дапамогу пры Чэска-Украінскім Камітэце

¹¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее: ЦГАВБУ), ф. 3801, оп.1, д. 302, л. 3-4.

эмигрантов, помогал им одеждой, лекарствами, учебниками, опекал студенческие организации, организовывал во время каникул экскурсии-путешествия за границу.

Среди архивных документов Фонда Чешско-Украинского Комитета были найдены и листы успеваемости белорусских студентов, которые обучались в высших школах ЧСР в 1923-1924 гг. В них, что чрезвычайно важно, присутствуют фото и короткие биографические сведения. Выявлено листы успеваемости следующих студентов: Аніськевіч Віктар, Бабровіч Янка-Казімір, Вукдэліч Ядвіга, Геніуш Янка, Грыневіч Ёладыслаў, Дзехцяроў Пётр, Дмігрыеў Александар, Зяньковічанка Любоў, Галубьянка Марыя, Лабозкі Мікола, Лаўскі Вячэслаў, Лябецкі Франц, Мамонько Язэп, Овчынников Игорь, Петкевіч Францішак и Петкевіч Вацлаў, Шах Александр. На наш взгляд, среди выявленных документов наиболее ценными являются листы Бабровіча Я., Лаўскага В., Мамонько Я. и Шах А. — известных к тому времени студенческих и в будущем общественно-политических деятелей.

В Чехословакии, в ходе Русской акции создавались украинские эмигрантские учебные заведения, среди них: Украинский свободный университет в Праге (1921), Украинская хозяйственная академия в Подебрадах (1922), Украинский педагогический институт имени М. Драгоманова в Праге (1923), украинские курсы пластического искусства в Праге (1923), украинская реальная гимназия в Праге (1925) и др. Большинство из названных учебных заведений были созданы УОК. Следует подчеркнуть, что именно в научно-образовательной работе Общественный Комитет достиг наибольших успехов. Среди студентов украинских высших школ, помимо украинцев, были представители и других национальностей: россияне, белорусы, меньше чехов, евреев и др.

Одним из наиболее уважаемых украинских эмигрантских учебных заведений была Украинская хозяйственная академия в Подебрадах (далее: УХА). Она была основана по инициативе УОК в 1922 г. 31 января 1922 г. на общем собрании УОК была избрана организационная комиссия, председатель которой Н. Шаповал наладил отношения с руководством Всеукраинского Союза сельскохозяйственных техников, который находился на эмиграции в Польше (Тарнов), для того, чтобы последний помог создать украинскую высшую техническую школу. Члены Союза И. Шовгенов, Б. Ивановичий, В. Чередиив, Л. Фролов, И. Шереметинский, О. Михайловский и др. разработали проект технической школы. Кроме того, Союз предоставил и значительную часть профессорско-преподавательского состава, а также первый президиум новообразован-

ной Академии — ректор И. Шовгенов, проректор Б. Иваницкий, секретарь профессорского совета И. Шереметинский¹².

Организационной комиссии при УОК по созданию Академии в Подебрадах в невероятно короткое время удалось достичь юридической регистрации Академии (19 мая 1922 г.), раздобыть финансы для ее существования и начать прием студентов на 1922/1923 учебный год. Для подавляющего большинства студентов были выделены стипендии от Министерства иностранных дел, которому в административных и хозяйственных вопросах Академия подчинялась до 1928 г.

Свою деятельность Академия начала 22 апреля 1922 г. Изначально Академия основывалась как трехлетняя школа, но уже с 1924 г. стала четырехлетней¹³.

В УХА сначала действовало 3 факультета: 1) агрономично-лесной (19 кафедр) с отделами — агрономическим и лесным; 2) экономико-кооперативный (20 кафедр) с отделами — экономическим, кооперативным, статистическим; 3) инженерный (20 кафедр) с отделами — гидротехническим и химико-технологическим.

Общее руководство УХА осуществлялось профессорским советом, а исполнительным органом профессорского совета был сенат в составе ректора, проректора, секретаря профессорского совета и деканов факультетов.

Лекторский состав Академии на 1 февраля 1923 г. был таким: профессоров — 9, доцентов — 16, лекторов — 8.

Материальное обеспечение УХА при ее образовании было скромным (70 000 крон ежемесячно), но дотации чехословацкого правительства на нужды Академии со временем увеличились и в разные годы были разными: от 2 777 848 крон в 1927, до 1 600 000 крон в 1931. Во время наивысшего развития УХА началось сокращение дотаций на ее нужды. В 1928 г. Министерство сельского хозяйства запретило принимать на этот год новых студентов и распорядилось приступить к постепенной ликвидации Академии¹⁴. Причинами изменения благосклонного отношения чехословацкого правительства к эмигрантам в целом, и эмигрантским учебным заведениям в частности, был как экономический кризис конца 20-х начала 30-х годов XX века, который вызвал значительное сокращение бюджета ЧСР, в связи с чем наступил самый тяжелый период существования эмигрантов в стране, так и то, что именно с этих

¹² С. Наріжний, Українська еміграція: Культурна праця української еміграції між двома світовими війнами, Прага 1942, ч. 1, с. 137.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 139.

пор начинается ликвидация Русской акции, в процессе чего было закрыто несколько эмигрантских учебных заведений. В 1933 г. по этой причине был ликвидирован Украинский педагогический институт имени Драгоманова, а УХА существовала еще до 1935 г.

С докладной записки районного политического управления в Подебрдах по поводу структуры и состава УХА от 2 декабря 1927 г. узнаем о национальном составе студентов академии в разные годы.

Так, в 1922/1923 учебном году в УХА было 216 студентов:

украинцев	197
чехословаков	1
россиян	1
кубанцев	10
белорусов	7

Стипендии получало 200 чел.

В 1923/1924 гг. — 349 студентов:

украинцев	309
кубанцев	31
белорусов	5
россиян	2
донцев	1

Стипендии получало 347 чел.

В 1924/1925 гг. — 495 студентов:

чехословаков	1
украинцев	443
кубанцев	36
белорусов	9
россиян	2
других	3

Стипендии получало 466 чел.

В 1925/1926 гг. — 541 студент:

чехословаков	2
украинцев	490
кубанцев	40
белорусов	6
россиян	2
других	1

Стипендии получало 508 чел.

В 1926/1927 гг. — 613 студентов:

чехословаков	3
украинцев	530
украинцев из Польши	32

кубанцев 40
белорусов 8
Стипендии получало 508 чел.

Для того, чтобы в Академии могла учиться молодежь, у которой не было законченного среднего образования, при УХА, посредством Украинского Общественного Комитета в 1922 г. были организованы матуральные курсы, которые в целом закончили 127 чел. В 1923 г. эти курсы были перенесены в Прагу, где их до 1 марта 1924 г. преобразовали в трехлетнюю реальную гимназию.

Материальное обеспечение студентов УХА, помимо государственной поддержки, осуществлялось с помощью двух организаций: Комитета помощи студентам и Благотворительного комитета. Первый — состоял из представителей профессуры и студенчества УХА и проводил свою работу при поддержке финансово-хозяйственной комиссии; второй — приобретал себе средства путем пожертвований и опекал, в основном, тех студентов, которые не были обеспечены правительственной помощью.

Студенчество Академии объединялось в своих общинах, обществах, кружках, клубах и т.п. Общестуденческими организациями были Академическая община УХА и Община студентов при УХА. Обе организации входили в состав Центрального союза украинского студенчества и заботились о материальных и интеллектуальных интересах своих членов. При студенческих общинах действовали, также, свои библиотеки, читальные залы, спортивные клубы, хор, оркестр, кружок бандуристов, музыкальный кружок и др. При Академической общине существовало также Бюро, которое занималось трудоустройством выпускников УХА.

Кроме того, студенты Академии организовали несколько профессиональных студенческих обществ, среди них: агрономическое общество, общество пчеловодов, мелиоративный кружок, общество украинских кооператоров, союз украинских мелиораторов и украинских гидротехников и мелиораторов и др.

Ввиду того, что студенческий состав УХА был многонациональным, то самими же студентами было создано несколько территориальных объединений, например: Кубанское землячество, Кружок студентов из северо-западных земель Украины, Белорусская община.

В течении двух лет (1925-1927) при Академии действовал, хотя и малочисленный, Белорусский студенческий кружок. Его организаторы планировали долготлетнюю и плодотворную деятельность, что подтверждается пунктами устава Кружка:

„Статут Беларускага Студэнскага Гуртка пры У. Г. Ак. у Падзебрадах.

§ 1. Назва і мейсца

Таварыства называецца „Беларускі Студэнскі Гурток пры Украінскае Гаспадарскае Акадэміі”. Мейсцам гуртка ёсць мейсца У. Г. А. Урадавай мовай — Беларуская і Чэская.

§ 2. Характар гуртка

Гурток мае профэсійна-нацыянальны і апалітычны характар.

§ 3. Мэта і дзейнасць Г-ка

Мэта гуртка — групуваньня беларускага студэнства прабываючага ў У. Г. Ак. дзеля ўзаемнай матэрыяльнай і маральнай дапамогі ў студыях, сродкамі да чаго зьяўляецца:

а) Уладжваньня рэфератаў і навуковых лекцый для членаў і шырэйшае публікі (чытаць лекцыі могуць сябры гуртка або асобы запрошаныя прэзыдыумам Г-ка).

б) Уладжваньня канцэртаў, сьпектакляў ці сьвяточных зборкаў.

в) Заложаньня бібліотэкі і чытальні.

г) Выдаваньня часопісу ў межах закону Ч.С.Р.

д) Уладжаньня навуковых экскурсій і пленарных паседжаньняў.

е) Выкарыстоўваньня ўсіх дазволёных сродкаў, якія могуць даць карысьць гуртку.

§ 4. Сродкі гуртка

а) Сябраўскі ўзнос,

б) даход ад бібліотэкі

в) і іншыя выпадковыя дапамогі (разьмер і спосаб уплаты сябраўскіх ўзносаў вызначае агульмы сход)”¹⁵.

Заявление об утверждении Устава Кружка было направлено Сенату Украинской Хозяйственной Академии в декабре 1922 г. К нему прилагался и сам проект устава на двух языках: белорусском и украинском. Устав утверждён Сенатом УХА 4 февраля 1925 г., но кроме пункта г) параграфа 3 (издание собственных журналов).

Белорусский студенческий кружок заявил о своей ликвидации в апреле 1927 года, подав в связи с этим заявление Сенату УХА:

„Ад Студэнтаў — Беларусаў Укр. Госп. Акадэміі ў Падзебрадах
Заява

Дзеля таго, што з Беларускага Студ. Гуртка ў Падзебрадах, у склад якога ўхадзіла 8 асоб-студэнтаў, пяць выйшла і засталася толькі тры, пастольку Бел. Студ. Гурток рахуецца разьвязаным, тры асобы, якія засталіся ў гуртку (...) не маюць жаднага права выступаць ад імені ўсіх беларускіх студэнтаў у Падзебрадах.

8 IV 1927”¹⁶.

¹⁵ ЦГАВОУ, ф. 3795, оп. 1, д. 118, л. 196.

¹⁶ Там же, л. 327.

В целом, культурно-образовательная и общественная жизнь студенчества Академии была достаточно организованной и отмечалась своим разнообразием.

После завершения учебы и успешной сдачи экзаменов, выпускники УХА получали соответствующие дипломы и титул инженера.

Как и в современной студенческой среде, так и в многонациональной среде студентов того времени, возможно возникновение конфликтов по идеологическим и политическим убеждениям. В 1920-1930-х годах эти причины стояли наиболее остро, учитывая тот факт, что на эмиграции оказались выходцы с разных стран и им вместе довелось уживаться в одной и той же эмигрантской среде, где каждый был обозлен, измотан эмигрантскими буднями, зачастую бедным существованием, болезнями, но наряду с этим, они все-таки не пали духом, а продолжали верить в себя, своих товарищей, идеалы, которым были верны и продолжали вести борьбу за независимое будущее своей Родины.

Так, один из таких конфликтов на идеологической почве закончился для двоих студентов-белорусов неприятностями: Буслу Сергею и Мамонько Язэпу объявлено выговор, а последнего в скором времени вообще отчислили со студентов УХА.

Ссора была довольно банальной и произошла вне учебное время. Об этом в своем заявлении, написанном на имя Руководства Академической Общины при УХА в Подебрадах пишет одна из задействованных в ссоре сторон, а именно украинские студенты: „16 цього червня в реставрації готелю „Централь” стався слідуючий випадок: (...) ми нижчепідписані прийшли (...) випити пива, за пів години туди ж прийшла компанія чехів. (...) Незабаром до них приєдналися студ. Мамонько і Бусел на підпитку обидва. Студ. Мамонько що до нас тримався демонстративно, а студент Бусел напівголос радив чехам припинити з нами балачки, бо мовляв ми монархісти німецької орієнтації, та ще щось, чого ми вже не чули. З боку чехів після чого почалися ворожі випадки у наш бік і коли залишили ми реставрацію нас виправили співом „Deutschland über alles”. На вулиці ми вирішили викликати студента Бусела до нас для з’ясування його поведінки в реставрації. (...) Студент Бусел вийшов до нас, але пояснення не дав, вернувшись до білорусів. Ми вирішили чекати його та зробити з ним те, що роблять з провокаторами. До першої години ночі ми чули співи московських пісень, які галасали п’яні Мамонько та Бусел. Нарешті вони вийшли. Ми дали їм відійти (...) й тоді вже розділялися з Буселом у відповідний спосіб. Мамонька не чіпали з огляду на його благання й запевняння, що він битись із товаришами українцями не хоче, а коли по-

ближчали якись чехи, він став кричать істеричним голосом, що українськи бандіги ізбивають білорусів. На цьому ми їх залишили.

Студенти Ковердинський, Ржевуцький, Кузнеців, Чирський¹⁷.

Данный инцидент, как таковой, что отрицательно влияет на доброе имя Академии, был рассмотрен на заседании Совета Академической Общины при УХА и в протоколе заседания указано следующее: „Рада (...) констатує негативне явище кулачної розправи й осуджує його, що ж торкається студентів Мамонька та Бусела то їх діяльність підбурювання чеських громадян проти студентів академії немов би монархістів німецької орієнтації і потім скарга безпосередньо до поліції (...) є явищем недопустимим в академічному житті і постільки студенти Мамонько та Бусел не визнають шкідливости свого вчинку та не заберуть скарги від поліції (...) і не дадуть Академічній Громаді (...) обіцянки більш нічого подібного не робити вважати їх перебування в Академії шкідливим”.

Соответствующим образом отреагировала на этот случай и белорусская студенческая община в Подебрадах. Собрав специальное заседание и выслушав студентов Мамонько и Бусла, постановила и записала в протоколе № 6 Агульнага сходу беларускіх студэнтаў следующее: „1) прычынаю інцыдэнту была насьмешка вышэй азначэных п.п. [Ковердинський, Ржевуцький, Кузнеців, Чирський — О.Я.] з чэхаў, якія сьпявалі расейску песьню „Волга”, кепска вымаўляючы расейскія словы.

2) Размова т. Бусла з знаёмымі чэхамі была цалком прыватна, да якої не абавязкова кожнаму прыслухацца.

3) Што ў паводжэньні т. Бусла нічога абражаючага для п.п. Кузнеціва і ін. не было, бо абражацца за песьню, яка ходзіць між чэхамі пра пэўных укр. студэнтаў — можна толькі на сябе, тым болей, што чэхі гэі песьнею адказалі на насьмешкі гэтых жэ студэнтаў.

4) Што сваім ганебным учынкам (нападам чатырох чалавек на адного ўначы) п.п. Кузнеців і ін., баронячы быццам нацыянальну ўкраінску чэсьць, абразілі ў такім разе уліцы т. Бусла чэсьць бел. студэнства”. Протокол датирован 19 VI 1923 г. и подписан старшиней схода белорусских студентов в Подебрадах¹⁸.

Непонятным и странным является тот факт, что Община белорусских студентов в Подебрадах защитила и поддержала своих студентов, в то время как Белорусская община в Праге выступила с резко противоположной точкой зрения. Эти данные были найдены среди документов фонда Украинской Хозяйственной Академии, а именно в личных делах Бусела Сергея и Мамоньки Язэпа. Про-

¹⁷ ЦГАВОУ, ф. 3801, оп. 1, д. 288, л. 24.

¹⁸ Там же, л. 28-29.

должение этого неприятного инцидента — позже, а сейчас уместным было бы привести некоторые данные из личных дел названных белорусских студентов. Итак, среди документов личного дела Мамоньки Язэпа:

„Персональний лист студента Української Господарської Академії в Ч.С.Р.

Прийнятий 13 IX 1922

Прізвище та імя	Мамонько Язэп
Місце та дата народж.	Пагост пов. Слуцький Мінська губ. Білорусь 18 січня 1889 р.
Релігія	православн.
Національність	Білорусин
Місце сталого замешкання на Україні	Мінськ Білорусь
Імя, прізвище, місце осідку найближчої родини	Сильвестра Мамонько Пагост пов. Слуцький
Освітній ценз до вступу в Академію і коли залишив школу	І московський електро-технічний курс в 1909 р.
Документи на підставі яких прийнятий до Академії	Посвідчення Білоруської дипломатичної місії в Литві.
	Мамонько Язэп.

Здесь же было отмечено, что „постановою Сенату Академії з дня 20-го червня 1923 року виголошено догану”, а на обратной стороне листа указано, что постановлением Сената Академии от 4-го июля 1923 р. за отказ выполнить распоряжение Сената Академии объявлено еще один выговор и предложено написать заявление об уходе с Академии, а также — „постановою Професорської Ради Академії з дня 14-го липня 1923 р. звільнений за порушення студентських правил”¹⁹.

Важним, документом личного дела Я. Мамонько является написанная собственноручно им автобиография:

„Жыцьцєпіс

Грамадзянін Беларускай Рэспублікі Язэп Мамонько радзіўся ў 1889 год 28 студзеня ў Слуцку Менскай губерні. У 1904 годзе паступіў у Нясвіжскую Вучыцельскую Сэмінарыю, адкуль у 1905 годзе быў выключаны за Беларускі вучыцельскі хаўрус і пасаджан у Менскі астрог, дзе прасядзеў да 1908 года. Осеньню 1908 года вытрымаў іспытаньня за курс 4 клясаў сярэдняй школ пры Маскоўскім вучэбным округу і паступіў на І Маскоўскія Электротэхнічныя курсы, якія ў процягу двух гадоў скончыў.

Пасьля чаго працаваў тэхнікам на Маскоўска-Курскай Жал. дарозі. У 1911 годзе быў узяты на вайсковую службу ў Ковенскі Крэпасны тэлеграф, дзе так сама акончыў вайсковую тэлеграфную шко-

¹⁹ ЦГАВОУ, ф. 3795, оп. 1, д. 1577, л. 1-1об.

лу. Посьля прабыцьця вайсковай павіннасьці працаваў па свайму фаху аж да пачатку вайны. У 1914 годзе мяне зноў прызвалі да войска і прыдзялілі ў Тэлеграфную роту мэханікам тэлеграфа пры XII арміі, дзе я працаваў да часоў рэвалюцыі.

У часы рэвалюцыі працаваў у Беларускіх вайсковых і грамадскіх арганізацыях. Будучы актыўным нацыянальна палітычным працаўніком на ніве Беларускай змушан быў пакінуць Бацькаўшчыну пасьля цэлага раду арыштаў як бальшавікам, так і палякамі. Апошні год находзіўся ў эміграцыі на Літве.

9 IX 22 Яз. Мамонько²⁰.

Далее — набор документов личного дела посвящен инциденту Мамонько и Бусела и 4-х украинских студентов в ресторане „Централь”, а именно к делу приложены копии заявлений участников ссоры и копии „Протокола № 6 Агульнага сходу беларускіх студэнтаў у Подебрадах” от 19 VI 1923 г. и „Протокола № 7 Агульнага сходу беларускіх студэнтаў у Подебрадах” от 21 VI 1923 г., в которых Белорусская община высказывается в поддержку своих студентов и обращается к Сенату Академии с просьбой о пересмотре дела²¹.

Логическим завершением этого досадного инцидента являются следующие два документа личного дела Я. Мамоньки Первый — это отрывок с письма старшины Белорусской общины в Праге М. Вершинина к Ректору УХА от 27 VI 1923 г., в котором он осуждает поведение Я. Мамоньки и в некотором смысле оправдывает в этой ситуации С. Бусла: „Да Беларускае Грамады у Празе дайшлі няясныя чуткі аб тым, што нашы студэнты ў Подебрадах Мамонька і Бусел няслушна вядуць сябе, а іменна: напівваюцца ў карчме і робяць скандалы. Так яны адзін раз п’яныя пачалі біцца з украінскімі студэнтамі; у гэты скандал як бы ўмяшалася паліцыя і потым уся справа была перадана на разсудак паважанай Управы Гаспадарскай Акадэміі і матуритных [правільна — матуральных — О. Я.] курсаў. Калі дапраўды гэты інцыдэнт стаўся, то мы вельмі шкадуем, бо ён кідае цень і на другіх, зусім нявінных беларускіх студэнтаў, у вачах якіх Мамонька стаіць вельмі нізка. Нас не дзівіць тое, што Мамонька можа дапусьціцца няслушнага паступка, бо з самага пфчатку сваяго прыезда ў Чэхію ён вельмі дрэнна зарэкамендаваў сябе паміж беларускім студэнствам сваімі скандаламі. На яго ў Грамадзе ёсьць дзве жалабы, якімі ён абвіняецца ў публічнай клявьяце, але ад Грамадскага Суда ўкланяецца. У нас ужо не раз падымалася пытаньне аб выключэньні Мамонькі з Грамады.

²⁰ Там же, л. 3.

²¹ Там же, л. 5, 12-12об.

Што таркаецца Бусла, то гэты малады хлопец усёцэла знаходзіцца пал уплывам Мамонькі і слухае яго дэмагогіі”²².

Второй документ — это „Выпіска з пратаколу паседжання 4 VII 1923 Презыдыума Беларускіх студэнтаў, належачых да Беларускага сялянскага саюза”, в которой отмечено следующее: „Выслухайшы даклад сябры Язэпа Сака аб інцыдэнце ў Падзебрадах студэнтаў беларусаў Яз. Мамонькі і Бусла з украінскімі студэнтамі, прызнае паступак Мамонькі й Бусла кампраметуючым беларускае імя, асуджае іх і паведамляе аб гэтым беларускія і ўкраінскія студэнцкія арганізацыі”. Подпись: Я. Станкевіч, старшыня Беларускага студэнцкага сялянскага саюза. 5 VI 1923 г.²³

Набор документов личного дела Я. Мамонько заканчивается двумя удостоверениями: первое — выданное на его имя дипломатическим представительством БНР в Литве:

Беларуская Народная Рэспубліка
Паўнамочнае дыплёматычнае Прадстаўніцтва ў Літве
„19” жнівеня 1922 г., № 251, м. Коўна
Пасьведчаньне.

Беларускае Дыплёматычнае Прадстаўніцтва гэтым сьведчыць, што грам. Язэп, сын Алексея, Мамонько, радзіўшыся 28-га студзеня 1889 г. у Меншчыне, скончыў 2-х гадовыя І Маскоўскія Электротэхнічныя курсы (слабых і моцных токаў) у 1908-9 г., для паступленьня на якія вымагалась скончаньне 4 клясаў гімназыі чы мясцовай школы.

Праходзімы на азначаных курсах курс матэматыцы роўны курсу сярэдняе школы.

Дано гэтае пасьведчаньне для паступленьня пры прозьбе аб прынятку ў Вышэйшую Чэха-Славацкую Школу па спецыяльнасьці.

Дыплёматычны Прадстаўнік у Літве (подпись)

І Маскоўскія Электротэхнічныя курсы давалі права сярэдніх тэхнічных школ.

Старшыня Рады (подпись)

29 VIII 22 Ковно²⁴.

второе:

7.VII.1923

Посвідчення

Цим свідчиться, що п. Мамонько Язеп склав при натуральних курсах Української Господарської Академії іспит за курс середньої школи.

²² Там же, л. 27.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 49.

Завідуючий матуральними курсами²⁵

Личное дело Бусела Сергея менее насыщено документами. В нем: ученический билет, персональный лист, автобиография, просьба о принятии в Академию и обязательство выполнять установленные Академией студенческие правила.

„Білет № 611

Паказчык гэтага Бусел Сяргей ёсьць вучань VII клясы 1-ае Беларускае гімназіі ў месьце Вільні.

Білет гэты мае моц да 1-га верасня 1922 году.

Дырэктар (подпись)

Дзелавод (подпись)²⁶

„Прийнятий 11.VI.1922

Персональний лист студента Української Господарської Академії в Ч.С.Р.

Прізвище та імя	Бусел Сергій
Місце та дата народження	19-го лютого 1901 с. Суховчиці Слуц. повіту Мінської губ. Білорусь.
Релігія	Православна
Національність	Білорус
Місце сталого замешкання на Білорусі	с. Суховчиці Слуц. повіту, Мінської губ. Білорусь.
Імя, прізвище, місце осідку найближчої родини	Никифір Бусел с. Суховчиці Слуц. повіту, Мінської губ. Білорусь.
Освітній ценз до вступу в Академію і коли залишив школу	6 клас гімназії В 1921 р. залишив школу
Що зараховується з попередніх студій	
Розмір стипендій	
Документи, на підставі яких прийнятий до Академії	„Ученич. білет” 7-кл. Віленської Білоруської Гімназії
Власноручний підпис	Сергій Бесел

На обратной стороне персонального листа указано, что постановлениями Сената Академии от 20 июня и 4 июля 1923 года объявлено два выговора и „Сенатом Академії дня 14-го листопада 1923 звільнений за переходом до Пражської Чеської школи”²⁷.

Последним документом личного дела, которым хотелось бы завершить статью, является автобиография написанная С. Буслом при поступлении в УХА:

„Жыцьце піс

Я, Сяргей Нічыпараў Бусел, радзіўся у вёсцэ Сухоўчыцы, Быстрыцкай вол. Мянской губ., Слуцкага павету у 1901 г. 19^{га} лютага.

²⁵ Там же, л. 50.

²⁶ ЦГАВОУ, ф. 3795, оп. 1, д. 775, л. 3.

²⁷ Там же, л. 4-4об.

У 1913 г. паступіў у Раманаўску высшу пачаткаву школу, па сканьчэньню якое паступіў у Слуцкую Беларускаю гімназію. Дайшоўшы да сёмай клясы, у час Беларускага паўстаньня у 1920 г., пакінуў школу і ўступіў у паўстаньчаскія атрады. З гэтага часу да чэрвеня 1921 г. служыў у Беларускіх вайсковых аддзелах. У 1921 г., пасле ліквідацыі Беларускіх вайсковых аддзелаў, паступіў у Віленскую Беларускаю гімназію ў сёмай кляс. У снежні 1921 г., у часе масавых арэштаў беларусаў на Віленшчыне, я, спасаючыся ад арышту, уцяк у Літву, адкуль чэраз два месяцы прыехаў у Прагу дзеля дасяганьня вышэйшай асьветы.

23 траўня 1922 г. Бусел²⁸

Подытоживая, следует отметить, что эмигранты, как белорусы, так и украинцы, оказавшись в силу политических и социальных причин на эмиграции, в частности — Чехословакии в 20-х — 30-х гг. XX века делали все возможное для продолжения борьбы за независимость своей Родины. Вокруг ведущих эмигрантских высших школ Чехословакии, созданных в ходе Русской акции, собираются национально-сознательные представители белорусской и украинской эмиграции и ради достижения высокой патриотичной цели проводят в жизнь свои националистические идеи и взгляды. Они живут бурной общественно-политической и культурно-образовательной жизнью, в результате чего создаются разнообразные национальные кружки, общества, организации и учреждения, которые консолидируют разрозненную эмигрантскую молодежь и содействуют утверждению патриотичных идей в эмигрантской среде.

Налаживание культурных связей эмигрантов с коренным населением страны осуществлялось для того, чтобы показать, что каждый народ имеет свою собственную национальную культуру, обычаи и, что особенно важно, право на независимую жизнь в собственном государстве.

Streszczenie

W latach dwudziestych i trzydziestych XX wieku Czechosłowacja była jednym z europejskich centrów emigracji z Rosji, Ukrainy i Białorusi. W przypadku Ukraińców była to głównie emigracja polityczna, która traktowała pobyt w Czechosłowacji jako czasowy, do zmiany sytuacji na podzielonej między Polskę i Rosję Ukrainie. Większość emigrantów białoruskich stanowiła młodzież studencka pochodzenia chłopskiego z zachodniej Białorusi, która ze względu na bariery stanowione przez władze polskie nie mogła kształcić się w Polsce. Największy napływ emigrantów z byłego imperium rosyjskiego nastąpił w pierwszej połowie lat dwudziestych. Emigracja białoruska koncentrowała się głównie wokół Pragi. Z treści publikacji w miesięczniku „Białoruski Student” wydawanym w Pradze wynikało, że emigracja białoruska stawiała za cel informowanie rządów i narodów europejskich o włas-

²⁸ Там же, л. 6.

nych dążeniach niepodległościowych. Przebywający na emigracji studenci z Białorusi Zachodniej byli najbardziej aktywnymi przedstawicielami swoich narodów. Najczęściej przybywali oni z Polski do Czechosłowacji nielegalnie. Mieli z reguły ukończone gimnazjum białoruskie, niekiedy rozpoczęte studia w seminarium wileńskim. Liczniejsza i bardziej wpływowa emigracja ukraińska szybciej zdołała zorganizować ośrodki kształcenia własnej młodzieży na poziomie akademickim. Ze względu na bliskość językową i kulturową do szkół ukraińskich trafiał znaczny odsetek napływającej do Czechosłowacji młodzieży białoruskiej.